

И зазвучит музыка над Москвой

К открытию музея-квартиры Святослава Рихтера

Никитские ворота, Спиридоновка, Большая и Малая Бронные... Что ни шаг — то история. Чуть золотится крохотная маковка церкви Большого Вознесения, где венчался Пушкин. Через дорогу — импозантный особняк в стиле модерн с мемориальными досками в память о Максиме Горьком и Ромене Роллане. Рядом роскошный особняк, теперь квартира-музей Алексея Толстого, и куда более скромный деревянный дом, помнящий Блока. От бронзового памятника поэту можно пойти дальше по Спиридоновке, к Патриаршим. А можно двинуться дворами и оказаться на углу Большой и Малой Бронных, у высоченной кирпичной башни, впрочем, не особо нарушающей уют окружающей ее старинной застройки. Здесь 5 января, когда днем залепляла окна снегом пастернаковская метель, а вечером прорвавшийся к столице теплый воздух в мгновение ока превратил московские улицы в реки, открылся музей-квартира великого музыканта Святослава Рихтера — новый отдел Государственного музея изобразительных искусств имени А.С.Пушкина.

...Вспоминается притихший в ожидании Белый зал. На стенах — выставка: "Мистика в творчестве немецких романтиков". На сцене уютно, по-домашнему мерцают огоньки новогодней елки. Первым к роялю выходит Женя Кисин. Но вот объявляют: "Святослав Рихтер!" — и сам великий маэстро несется вдоль колоннады к сцене, словно фрегат на всех парусах, запрокинув скульптурную голову. Когда Рихтер играет что-нибудь героическое, *forte*, рояль звучит, как орган... Но теперь звучит мелодичная, по-новому интимная музыка Шопена.

Аккорды смолкли.... И шквал аплодисментов в десять баллов по шкале Рихтера!

А ведь, как ни странно это теперь звучит, на жизненном пути маэстро были не одни лишь аплодисменты и букеты цветов. Мне неоднократно доводилось слышать историю о том, будто в каком-то споре с Рихтером Екатерина Фурцева заявила ему: "Забирайте-ка свою скрипочку (!) и уезжайте на все четыре стороны!" Легенда? Но горькая правда в том, что такой разговор между художником и чиновником возможен был только у нас.

Он никуда не уехал. Более того... Помните чудесную американскую сказку про вундеркинда, которому достался волшебный рояль? Инструмент сам исполнял за мальчика сложнейшие пьесы, и маленький обманщик требовал, чтобы его рояль повсюду был с ним. А Рихтер, стремясь к тому, чтобы его игру слышали в самых разных городах страны, не возил с собой своего роскошного инструмента, а играл на местных, расстроенных, зачастую вдребезги разбитых.

Моя добрая знакомая из Краснодара рассказывала: у них в городе ждали приезда Рихтера, а лучший концертный зал находился в непосредственной близости от железнодорожных путей. И тогда начальник службы тяги, возможно, рискуя карьерой, распорядился на время концерта отключить контактную сеть и перевести тягу на тепловозную...

Рихтера не стало 1 августа 1997 года. Вслед за ним ушли тогда из жизни многие известные люди — словно эпоха, предчувствуя свой исход, не отпускала их в третье тысячелетие. 17 мая 1998 г. покинула этот мир Нина Дорлиак. Теперь в их квартире музей. Медленно ползет на 16-й этаж огромная кабина, специально рассчитанная на перевозку роялей.

В квартире — обстановка сугубо рабочая. Два рояля; много, как в концертном зале, стульев. Стеллажи с книгами и нехитрыми безделушками; никакой антикварной роскоши. По стенам — картины. Рихтер очень дорожил дружбой с художниками, еще в 1978 г. он организовал в Пушкинском музее выставку "Музыкант и его встречи в искусстве". На ней были представлены работы Роберта Фалька, Василия Шухаева, даже портрет самого маэстро, выполненный Оскаром Кокошкой. Почти все картины в коллекции Рихтера подарены друзьями. За исключением, может быть, работ Дмитрия Краснопевцева: высоко ценя творчество этого мастера, Рихтер покупал у него картины, желая поддержать художника материально.

Крупноформатный портрет супружеской четы — работа Петра Кончаловского. Интересна история этой вещи. В Париже на одном из концертов Рихтеру прислали белую сирень; в сопроводительной записке было написано, что эти цветы от одной пианистки в память ее матери, которая всегда посылала белую сирень на концерты Рахманинова. «Я пришел поблагодарить за цветы, — рассказывал Рихтер. — Спросил: "Дома ли Александра Львовна?" (потом мы ее звали Шурочка). Ее муж весело сказал: "Дома, но она в обмороке, потому что вы пришли..." Они ездили за мной повсюду на мои концерты. Шурочка всячески старалась баловать меня. Она и завешала мне этот портрет, где изображена со своим первым мужем — пианистом Веригиным».

А вот удивительный портрет хозяйки дома работы грузинской художницы Кэтеван Магалашвили. Есть в ее облике что-то нежное, хрупкое... Впрочем, послушаем Рихтера: "Когда я впервые пришел на Арбат, в дом замечательной камерной певицы Нины Дорлиак, я сразу же увидел над роялем, рядом с оригиналом, этот портрет, который поражает сходством облика, но... привнесено что-то во взгляде и в выражении южно-пассивное, свойственное женщинам Кавказа, но никак не свойственное оригиналу".

"Мы хотим, чтобы это был живой дом, в котором бы, как при Святославе Теофиловиче, звучала музыка, — говорит директор Пушкинского музея Ирина Антонова. — Хотим устроить выставку рисунков Матисса, которые так любил Рихтер. И, конечно, давать здесь концерты — не только фортепьянные, приглашать и чтецов. И не только маститых исполнителей, но и молодых музыкантов".

В своей книге "Продолжение театрального романа" Анатолий Эфрос рассказывает, как любил он, задрав голову, слушать доносящиеся из окна Рихтера звуки рояля, даже если маэстро просто отработывал часами несколько нот. И скоро из этих окон вновь зазвучит музыка.

СЕРГЕЙ ЛОСЕВ

Москва

Русская мысль - Париж.
— 1999 — 11-17 февр. — с. 15